

АНАТОЛИЙ ЕХАЛОВ О СЕБЕ

Вырос я в деревне Потеряево при слиянии большой реки Шексны, малых Имаи и Судьбицы. В деревню вела разбитая дорога, всего-то в десять километров, но по-настоящему проезжей становилась она только в декабре, к февралю она была переметена снегами и выюгами настолько, что даже гусеничный трактор не всегда пробивался в Потеряево.

Далее дороги не было. Был лес, сосновый бор, болота на десятки километров...

Бабка Марья Мосяева, у которой мы жили на квартире (в то время редко у какого учителя был свой дом), ходила на Усье торговать сметаной, брусникой. Два деревянных ведёрка на коромысле на одном плече, на другом сапоги. Сама шла босиком. Однажды моя мать привезла ей в подарок из Ленинграда шерстяные рейтузы.

– Зачем это? – спросила Марья в недоумении.

– Эти штаны надо одевать под юбку, когда на улице морозно.

– Ну, вот ещё... Перестеть-то...

Вечерами у Марьи были беседы. Сумерничать к ней приходили старики из Широшного, Шапошного краёв, из Замостья и Притыкина. Старики из Подгорья, Новой деревни и Старой деревни сидели у печника Ефремова...

Как эти люди, родившиеся в 19 веке, владели устным рассказом! Какие образы, какая гармония, какое чувство меры и ритма...

Любимое занятие в детстве – пастьба скота. Со второго класса пас колхозных телят, чуть позднее деревенских коз и овец. Ни с чем несравнимое чувство свободы. В котомке хлеб, соль, спички, ножик, котелок. На речке Имае от прежних крестьянских поколений остались три разрушенные мельницы. Нужно было нырнуть под огромный камень первой мельницы и запустить под него руки. Под камнями на речном дне почти всегда имелись вымытые водой пустоты, где скапливалась на отдыхе рыба.

На первой мельнице под её основным камнем в плотине рыбы было столько, что приходилось разгребать её руками, добираясь до холодной осклизлой налиимьей головы.

Если удавалось выловить налима килограмма на два, пир был на весь мир. Я запекал его в костре в глине. Из деревни приходили друзья, и тут уж начиналась потеха. Ели рыбу или хлебали уху, грибницу, пили земляничный чай, купались, опять ловили под камнями рыбу...

Однажды я не заметил, как стадо исчезло. Я бросился бежать сначала вверх по реке, потом в деревню, потом вниз по Имае, потом вверх по Шексне. Я отмахал, наверное, километров двадцать, пока нашёл беглецов.

Выскочив из-за очередного поворота реки, я увидел жуткую картину, от которой сердце моё, едва не остановилось. Всё стадо попало в вывешенный на колья невод деревенского рыбака Андрея Круглова. А возле обезумевших от страха овец и коз бегала с огромным ножом нетрезвая пристанщица и жутко ругалась. Я думал, что она режет их, и я бросился на защиту коз и овец. Но пристанщица оказалась для меня спасительницей. Она не пожалела невода Андрея и изрезала его напроць, освобождая скотину. Более того, она не выдала меня, и мой позор остался между нами.

После третьего класса началась моя жизнь вне дома. Один год провёл я детском санатории под Харовском, остальные школьные в интернате в Шексне.

Закрывание деревенских школ, на мой взгляд, было ужасным преступлением государства против семьи. В деревне было 140 дворов, но она уже была приговорена. Деревня осталась без детей, колхозники стали быстро спиваться, а дети их осваивали вдали от дома новую жизнь.

В Шексне было несколько исправительно-трудовых лагерей, и дух зоны, казалось, витал над этим рабочим посёлком. В комнате было сорок человек, кормили на тридцать три копейки в день. Нужно было каждый день драться за место под солнцем. Драться, когда идёшь через четыре деревни в интернат, драться, когда идёшь обратно. Драться в школе, драться в интернате... И быть на высоте, потому как, если поймут, что ты струсил или слаб, могут забить на всю оставшуюся жизнь.

Школьные предметы усваивались только в школе. В интернате были другие занятия: ночи напролёт под кроватями осваивали зональные карточные игры: в буру, три листика, секу, петуха, очко...

За шесть лет я изрядно поднаторел в этом искусстве, однако воспользовался им только раз в институте, когда в нашей комнате кончились деньги, и мы голодали несколько дней. В одной из общаг Череповца играли на деньги. Я пошёл туда с тридцатью копейками, вырученными от сдачи кефирных бутылок, утащенных ночью с этажа преподавателей. Утром я вернулся в нашу общагу богачом. Десять рублей, выигранных за ночь, целую неделю до стипендии спасали нас.

В конце восьмидесятых, в 90-м году, я, как журналист, стал исследовать новую для нас проблему бездомности и бродяжничества. Дороги привели на свалки, в тепловые камеры, где жили первые бомжи новой свободной России. Это было ужасно, я стал писать страстные статьи, обращённые к властям и общественности о необходимости решать эти проблемы и быть готовыми к девятому валу таких проблем. Увы! Меня никто не услышал. Так я стал организатором первой ночлежки для бездомных в стране. Занимался этим пять лет. Бомжи шли со свалок, из зон. В ночь до сорока человек. Сейчас я понимаю, что тогда я сдержал волну преступлений и насилия в городе. А так сорок человек, готовых на любое преступление, под присмотром на белых простынях...

Иной раз кто-нибудь из освободившихся предлагал мне:

– Константиныч! У тебя голова, у нас опыт. Погляди, у нас сила, мы можем весь город взять под контроль.

Я ввёл систему самоуправления, как у Макаренко. И надо сказать, что за все пять лет не было ни одного сколько-нибудь серьёзного преступления, совершённого моими подопечными. Мы сумели по анкетам, разработанным специально для нас Институтом социально-политических исследований, проанкетировать более двух тысяч бездомных, прошедших через нас или появлявшихся в городе.

Через пять лет я снова вернулся в журналистику. Ночлежные дома взяло под свою опеку государство. А бомжи устроили манифестацию у стен городской власти с требованием вернуть меня на ночлежный дом. Но не мог же я всю жизнь проработать директором ночлежки...

Вернулся. Дважды в одну воду. «Известия», «Аргументы и Факты», «Крестьянские ведомости», «Сельская новь». Затем на дороги Вологодчины. Сам за рулём, сам временами и оператор. Добрался в Сибирь, на Юг России, за океан в Калифорнию.